

Ангел Богданович

**Философия приволья. «Очерки
и рассказы» Максима
Горького**

Ангел Иванович Богданович
Философия приволья. «Очерки
и рассказы» Максима Горького

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5676657

Аннотация

«Въ изящной литературѣ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ очерки и рассказы г. Максима Горькаго представляютъ едва ли не самое видное явленіе, по свѣжести и оригинальности таланта, яркаго и сильнаго, и по новизнѣ содержанія, всегда интереснаго и глубоко захватывающаго читателя...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

А. И. Богдановичъ

Философія приволья. —

«Очерки и рассказы»

Максима Горькаго

Въ изящной литературѣ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ очерки и рассказы г. Максима Горькаго представляютъ едва ли не самое видное явленіе, по свѣжести и оригинальности таланта, яркаго и сильнаго, и по новизнѣ содержанія, всегда интереснаго и глубоко захватывающаго читателя. Рисуется ли авторъ картины природы, которую онъ страстно любить и тонко понимаетъ, въ особенности безбрежную ширь моря и приволье нашихъ южныхъ степей, или глухіе углы большихъ городовъ, гдѣ ютится бѣднѣйшій слой городского населенія,— онъ умѣетъ вложить въ свои очерки столько новаго и неожиданнаго, что предъ нами встаетъ цѣлый міръ, совершенно обособленный, чрезвычайно разнообразный по типамъ и характерамъ, не укладывающійся въ рамки обычнаго представленія о бродягахъ и золоторотцахъ, какихъ мы привыкли встрѣчать въ рассказахъ другихъ писателей. Бродяга, босякъ, то злобный и ожесточенный, потерпѣвшій рядъ крушеній и отчаявшійся, то безпокойный и нервный искатель справедливости, привлекаетъ все вниманіе г. Горькаго,

занимаетъ главное мѣсто въ его очеркахъ, въ которыхъ все остальное составляетъ только фонъ, лучше обрисовывающій этотъ, на первый взглядъ, такой чуждый намъ міръ бродячаго и безпокойнаго городского пролетаріата, насмѣшливо окрестившаго себя «босой командой».

Босая команда – созданіе исключительно большихъ городовъ, явленіе сравнительно новое у насъ и быстро растущее вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ промышленной жизни. Городъ поглощаетъ ежегодно массу пришлаго рабочаго люда, волны котораго приливаютъ изъ глубины деревни, выброшенные оттуда измѣнившимися условіями хозяйственной жизни. Всѣ, не удержавшіеся въ деревнѣ, стремятся въ городъ, какъ къ центру, гдѣ можно найти примѣненіе силамъ, для которыхъ не оказалось мѣста въ новомъ деревенскомъ укладѣ. Нерѣдко это лучшіе, наиболѣе восприимчивые элементы деревни, не мирящіеся съ ея безвыходнымъ положеніемъ, съ ея вѣчными голодовками, необезпеченностью личности, полудремотнымъ существованіемъ для котораго не видно лучшаго, болѣе человѣчнаго выхода, чѣмъ постоянная безрезультатная борьба изъ-за куска хлѣба, – борьба, обезличивающая, ведущая къ полному равнодушію къ жизни. Та же борьба, но на болѣе широкой аренѣ, встрѣчаетъ ихъ и въ городѣ, гдѣ болѣе сложныя условія вырабатываютъ изъ этихъ примитивныхъ борцовъ за существованіе и болѣе сложные типы, какими полна босая команда. Главный контингентъ ея и составляютъ бывшіе деревенскіе люди, не сь-

мѣвшіе пристроиться въ городѣ и поглощенные его подонками. Къ нимъ осѣдаютъ сверху «бывшіе люди» всевозможныхъ званій, профессій и положеній, составляющіе своего рода аристократію глухихъ угловъ, наиболѣе типичные и характерные, которымъ въ очеркахъ г. Горькаго отведено выдающееся мѣсто.

Г. Максимъ Горькій не первый бытописатель этого своеобразнаго міра. Левитовъ, которому пришлось тоже, какъ и г. Горькому, не мало пошататься по темнымъ закоулкамъ большихъ городовъ, съ особой любовью описывалъ ихъ обитателей. Но у Левитова слишкомъ мягкій и нѣжный колоритъ лежитъ на всемъ, что онъ писалъ, и его босая команда такъ опозитизирована, что реальная жизнь почти отсутствуетъ. Его герои – это развинченные люди, тѣ же интеллигентные «взыскатели града», какимъ былъ самъ Левитовъ. Въ нихъ слишкомъ мало плоти и крови, уличной городской жизни. Они скорѣе напоминаютъ переряженныхъ людей, а не настоящихъ босяковъ съ ихъ жестокими, подъячасъ звѣрскими привычками, злобой, грубостью, пьянствомъ и безсознательнымъ стремленіемъ къ свободѣ, скрашивающей ихъ тягостное существованіе. Читая Левитова, испытываешь попеременно приливъ жалости и досады, – жалости къ изображаемой имъ жизни и досады на автора, который, по видимому, такъ много зная и такъ много испытавъ, не смогъ дать вѣрной картины, изобразить вѣрные типы и характеры, настолько рѣзко отличные и интересные сами по себѣ, что-

бы не нуждаться ни въ какихъ постороннихъ украшеніяхъ. Сентиментализмъ Левитова, составляющій основной фонъ его описаній глухихъ улицъ, портитъ все, оставляя въ концѣ концовъ привкусъ слащавости и манерности, дѣланности чувства и приподнятости тона, что сильно портитъ лучшіе изъ его очерковъ.

Очерки г. Горькаго даютъ не менѣе жестокою правду, но авторъ съ истинно художественнымъ тактомъ сьумѣлъ вездѣ удержаться отъ преувеличеній, предоставляя самимъ героямъ говорить за себя. Отсутствіе лирическихъ изліяній и полный объективизмъ его разсказа углубляютъ содержаніе, а непосредственная поэтическая жилка, чувствующаяся вездѣ въ описаніяхъ природы, дѣлаетъ его картины художественно-законченными.

Безконечную галерею выводимыхъ имъ типовъ открываетъ одинъ изъ лучшихъ представителей этого міра отверженныхъ «Челкашъ», фигура почти трагическая по силѣ чувства и суровости тона, въ которомъ она выписана. Босякъ южнаго портоваго города, прошедшій всѣ мытарства, сильный и гордый своей удалюю, Челкашъ случайно сталкивается съ примитивнымъ существомъ деревенскаго міра, выброшеннымъ изъ деревни въ поискахъ за хлѣбомъ. Гаврила истый представитель деревни не понимающій и не признающій иной связи, кромѣ связи съ землей, иныхъ отношеній, кромѣ созданныхъ землею. Весь міръ существуетъ для него только какъ «подсобіе» для этой земли, въ которой всѣ его думы, надежды,

мечты. Земля – основа его жизни, при ней онъ можетъ быть «совсѣмъ свободенъ, самъ по себѣ», она все содержаніе его, устой, на которомъ зиждется весь его душевный міръ, устой прочный и непоколебимый, что даетъ ему извѣстное превосходство передъ его случайнымъ товарищемъ, въ его глазахъ человѣкомъ потеряннымъ, никому не нужнымъ. И Челкашъ это чувствуетъ.

Весь трагизмъ его положенія въ томъ и заключается, что, сознавая свое превосходство по уму, характеру, душевной силѣ надъ бѣднымъ и простоватымъ Гаврилой, онъ въ то же время не можетъ не видѣть всей правды его словъ, что онъ, Челкашъ, человѣкъ «не нужный на землѣ», о которомъ никто не станетъ допытываться, если онъ вдругъ исчезнетъ. Онъ, гордый, сильный, способный на великодушные и чистые порывы, непонятные и чуждые Гаврилѣ, – не имѣетъ мѣста въ обществѣ, стоитъ внѣ его. Для него нѣтъ будущаго, настоящее неопредѣленно, жестоко и полно обиды и горечи, а въ прошедшемъ жуткія воспоминанія о той же спасительной связи съ землей, связи, которую онъ порвалъ и уже не возстановитъ никогда. Единственное, что скрашиваетъ его безцѣльное существованіе, это свобода, независимость, неподчиненность чужой волѣ. Но въ то же время какая это свобода, когда первый сторожъ въ гавани, первый таможенный надсмотрщикъ можетъ взять его за шиворотъ и препроводить въ кутузку. То ли дѣло та свобода, о которой мечтаетъ глуповатый парень Гаврила и мечтаетъ на основаніи факто-

въ, хорошо ему знакомыхъ, реальныхъ и для него возможныхъ?

Послѣ ловко совершенной кражи при помощи ничего не понимающаго Гаврилы, Челкашъ невольно задумывается надъ разницей между этими двумя «свободами». Сначала онъ какъ бы превозносится надъ Гаврилой, которому всю жизнь не «сцапать» полтысячи, заработанной имъ, ловкимъ Челкашомъ, въ одну ночь. Но потомъ, подъ наплывомъ воспоминаній, навѣянныхъ разговоромъ съ Гаврилой, самъ увлекается картиной свободной деревенской жизни.

«— Главное, — вспоминается ему, — въ крестьянской жизни, братъ, это свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ! У тебя твой домъ, — грошь ему цѣна — да онъ твой. У тебя земля есть своя, — всего ея итого горсть — да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ!.. И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ, — работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой — опять иная. Куда ни пойдешь, воротись въ свой домъ. Тепло!.. Покой!.. Король въдѣ? Такъ ли? — воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запаматовавъ объ обязанностяхъ.

Гаврило глядѣлъ на него съ любопытствомъ и тоже воодушевился. Онъ во время этого разговора успѣлъ уже забыть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и видѣлъ передъ собой такого же крестьянина, какъ и самъ онъ, прилѣпленнаго навѣски къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, связаннаго съ нею воспоминаніями.

наніями дѣтства, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе.

– Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ, гляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли? ого!.. Землю, братъ, какъ мать, не забудешь надолго...

Челкашъ одумался... Онъ почувствовалъ раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе, самолюбіе безшабашнаго удальца, бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

– Замололъ!.. – сказалъ онъ свирѣпо, – ты, можетъ, думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире!

– Да, чудакъ-человѣкъ!.. – снова оробѣлъ Гаврило. – Развѣ я про тебя говорю? Чай, такихъ-то, сколь ты, много! Эхъ, сколько несчастнаго народу на свѣтѣ!.. Шатающихся»...

Челкашъ злится, тѣмъ болѣе, что не можетъ не понимать, насколько правды въ нехитрыхъ словахъ его товарища. Онъ уже не вернется назадъ, не можетъ, хотя бы и желалъ стать «королемъ» на своей землѣ. Непонятная, непреодолимая сила оторвала его отъ нея. Для него нѣтъ возврата назадъ, какъ нѣтъ и впереди ничего. Случайная удача дѣлаетъ его обладателемъ значительныхъ денегъ, «полтысячи рублей» – хвастливо показываетъ онъ Гаврилѣ. У послѣдняго моментально является цѣлый планъ, что и какъ онъ могъ бы сдѣлать на эти деньги. У Челкаша – ничего, кромѣ мысли о безшабашномъ кутежѣ. Гаврила, воодушевленный своими мечтами, пробуетъ сначала вымолить у него эти деньги, а когда это не уда-

ется, пытается отнять ихъ силой, ошеломивъ Челкаша камнемъ. И тутъ между этими представителями двухъ разныхъ міровъ разыгрывается глубоко характерная сцена.

Увидѣвъ Челкаша, лежащаго неподвижно, съ окровавленной головой, Гаврило растерялся отъ страха и убѣждалъ, но потомъ лучшіе инстинкты просыпаются въ человѣкѣ земли. Онъ возвращается и старается привести босяка въ чувство.

«Освѣженный водою, Челкашъ очнулся и толкнулъ Гаврилу отъ себя, хрипло сказавъ:

– Поди... прочь!..

– Братъ! прости... дьяволь это меня...– дрожа шепталь Гаврило, цѣлуя руку Челкаша.

– Иди... ступай...– хрипѣль тотъ.

– Сними грѣхъ съ души!.. Родной! прости!..

– Трусъ!.. и блудить-то не умѣешь!.. – презрительно крикнулъ Челкашъ. – Деньги взять? – сквозь зубы процѣдилъ онъ.

– Не бралъ я ихъ, не бралъ! Не надо мнѣ, бѣда отъ нихъ!..

Челкашъ сунуль руку въ карманъ своей куртки, вытащилъ пачку денегъ, одну радужную положилъ обратно въ карманъ, а все остальное кинулъ Гаврилѣ:– возьми и ступай!..

– Не возьму, братъ... Не могу, прости!..

– Бери, бери!.. Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узнаютъ».

Гаврило беретъ деньги и они расходятся, – одинъ въ де-

ревню, чтобы на своей землѣ быть «королемъ», другой въ своей глухой уголь, откуда нѣтъ выхода.

И не только потому нѣтъ выхода, что Челкашъ порвалъ съ землею. Онъ человѣкъ иного склада; онъ только въ мечтахъ можетъ представить себя «королемъ на своей землѣ», такъ какъ въ дѣйствительности онъ слишкомъ свободенъ для такой роли. Это и составляетъ отличительную черту героевъ г. Горькаго – любовь къ свободѣ ради нея самой. Сами они не въ силахъ объяснить этого стремленія, увлекающаго ихъ отъ сытой, спокойной жизни, о которой они не прочь помечтать потомъ, но съ которой ни одинъ изъ нихъ не мирится. Это стремленіе дѣлаетъ Челкаша выше въ его собственныхъ глазахъ, подымаетъ его надъ Гаврилой, который ради земли и связанныхъ съ нею благъ готовъ на все, – и на униженіе передъ презираемымъ имъ босякомъ, и на преступленіе. Тогда какъ Челкашъ, воръ и пьяница, «шатающійся человѣкъ», не отдастъ этой свободы ни за какія блага. Зачѣмъ она ему, онъ и самъ не понимаетъ. Но онъ не можетъ представить себѣ жизни безъ нея. Онъ любитъ море за его ширь и просторъ, за дыханіе свободы, которымъ вѣетъ отъ него и котораго ничѣмъ нельзя укротить и связать, какъ и его, Челкаша, что и въ глазахъ читателя дѣлаетъ личность Челкаша значительнѣе и симпатичнѣе, чѣмъ Гаврилы съ его мечтами о своей курицѣ, о своемъ яблокѣ, о своемъ гнѣздѣ, изъ-за котораго онъ уже ничего неспособенъ видѣть. Чувство безграничной свободы дѣлаетъ Челкаша болѣе человѣкомъ и сближаетъ его

съ нами. Пусть оно теперь стихійно и безсознательно, но въ немъ несравненно больше задатковъ для развитія въ будущемъ, чѣмъ въ неразрывной связи Гаврилы съ землею, – связи, тоже стихійной и безсознательной, но неподвижной и мертвой, безъ развитія и движенія.

Челкашъ сильная натура, человекъ съ рѣзко выдающейся индивидуальностью, не сумѣвшій примѣниться къ жизни, не нашедшій «своей точки», какъ говоритъ про себя другой герой того же типа Коноваловъ. Болѣе вдумчивый и мягкій, не ожесточенный, какъ Челкашъ, Коноваловъ сокрушается своей кажущейся ему ненужностью, неумѣніемъ найти свою «точку», которая указала бы ему «порядокъ жизни». Онъ живетъ больше чувствомъ, которое не мирится съ окружающей его неправдой, но не можетъ вывести его на дорогу болѣе правильной жизни, – и пьетъ запоемъ, «отъ тоски», какъ онъ говоритъ. «Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человекъ на всемъ свѣтѣ, и кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣтъ, все, какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди хоть помирай они – не охну! Болѣзнь это у меня, должно быть», грустно поясняетъ онъ. «Что я такое? – спрашиваетъ онъ:– Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человекъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего до этого даже

охоты нѣтъ... Живу и тоскую... Про что, – неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ прочихъ людей есть и что чело-вѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки, и все тутъ! Вотъ я и живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть – это мнѣ неизвѣстно»... – «Это ты къ чему»? спрашиваетъ его рассказчикъ – «Къ чему... А... къ безпорядку жизни. То-есть, вотъ я живу, моль, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу присунуться... и это есть безпорядокъ, такая жизнь»...

Когда рассказчикъ, съ пыломъ и вѣрой молодого проповѣдника, хочетъ увѣрить его, что онъ, Коноваловъ, жертва социальныхъ условій, не давшихъ ему возможности развить его внутреннюю жизнь, Коноваловъ не соглашается. «Каждый чело-вѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлець есть», отвѣчаетъ онъ на доводы товарища.

Еще болѣе смущаютъ его «поступки», которые кажутся ему несомнѣнно хорошими, – и дѣйствительно таковы, – но въ результатѣ ведутъ только къ худшему положенію. Встрѣтивъ «милое, но погибшее созданіе», онъ изъ жалости освобождаетъ ее изъ «заведенія», въ расчетѣ, что дѣвушка начнетъ лучшую жизнь. Расчетъ не оправдывается: его Капа желаетъ быть его женой, къ чему у него нѣтъ желанія.

Разочарованная въ немъ, дѣвушка спивается съ кругу и кончаетъ тѣмъ же заведеніемъ. Этотъ случай окончательно убиваетъ Коновалова изъ колеи. «Нѣтъ ли въ книгахъ,— спрашиваетъ онъ съ отчаяніемъ рассказчика, — насчетъ порядка въ жизни? Т. е. поученія, какъ жить? Поступки бы мнѣ нужно разъяснить, которые вредные и которые ничего себѣ... Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими. Который вначалѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ... Какъ такъ? Желалъ я человѣку оказать добро — и вдругъ... совсѣмъ несообразно? Да, братъ, очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ... И неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, чтобы всѣ люди дѣйствовали какъ одинъ и всѣ другъ друга понимать могли? Вѣдь совсѣмъ нельзя жить на такомъ разстояніи одинъ отъ другого! Неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?.. Эхма!»

Эти мучительные вопросы въ концѣ концовъ убиваютъ бѣднаго Коновалова, который кончаетъ самоубійствомъ, такъ и не найдя порядка жизни. «Сколько исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ, нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста»!

И всѣ босяки кончаютъ этими словами свою эпопею, одни ожесточенные и злобнопрезрительные, какъ Челкашъ, другіе съ грустью и удивленіемъ, какъ мягкій и вдумчивый Коноваловъ.

Оба они выведены въ рассказѣ г. Горькаго, какъ впол-

нѣ сложившіеся типы. Въ очеркѣ «Супруги Орловы» авторъ раскрываетъ передъ читателями путь, какимъ постепенно доходитъ такой босякъ до своего печальнаго конца. Орловъ сапожникъ, женатъ и сравнительно не хуже, хотя и не лучше, другихъ обставленъ въ смыслѣ матеріальномъ. По своему онъ даже благополученъ и жилось бы ему недурно, если бы и его не смущали тѣ же проклятые вопросы, которые изводятъ Коновалова. Зачѣмъ жизнь, въ чемъ ея сущность, гдѣ искать утолненія отъ этихъ вопросовъ? Онъ любитъ жену, не сомнѣвается въ ея любви, но этого мало для жизни, какъ онъ чувствуетъ все сильнѣе и сильнѣе. Нужно еще что-то, но что именно – этого онъ не знаетъ, озлобляется, пьянствуетъ и колотитъ жену, хотя и чувствуетъ себя отъ этого еще хуже.

Натуры апатичныя, уравновѣшенныя или неспособныя къ противодѣйствию, легко подчиняются такому порядку. Но Орловы, мужъ и жена, не принадлежали къ нимъ. Обоимъ недоставало дѣятельности и разнообразія, что скрашивало бы это монотонное существованіе. Оживленіе въ ихъ жизнь вноситъ нагрянувшая внезапно холера. Въ то время, какъ окружающіе поддаются общей паникѣ и еще болѣе тупѣютъ подъ ея вліяніемъ, супруги Орловы воскресаютъ духомъ. Жажда новизны и дѣятельности, живой и разнообразной, результаты которой говорили бы сами за себя, охватываетъ сначала мужа, а потомъ съ еще большей силой и жену. Оба поступаютъ въ холерный баракъ, гдѣ природная смѣтливость и недюжинныя способности Орлова сразу выдвигаютъ

ють его среди другихъ служителей, что еще болѣе возбужда-
етъ его. Невѣдомое ему до тѣхъ поръ чувство гордости и до-
вольства собой охватываетъ его съ необыкновенной силой.
Онъ мечтаетъ о подвигѣ, о такомъ дѣлѣ, чтобы сразу всѣхъ
спасти, всѣхъ поразить необычнымъ геройскимъ поступко-
мъ. «Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И
въ немъ забилося желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило
бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило
убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе, такъ поднявшее его
въ своихъ глазахъ. Это было своеобразное честолюбіе чело-
вѣка, который вдругъ созналъ себя таковымъ и, какъ бы еще
неувѣренный въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣлъ под-
твердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ; это было често-
любіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстна-
го подвига».

Такое бодрое и дѣятельное настроеніе продолжается, од-
нако, недолго. Мысль, разбуженная и начавшая работать,
уже не можетъ остановиться на вопросахъ только текущаго
дня и неотвязно требуетъ отвѣта о будущемъ, которое пред-
ставляется все въ томъ же видѣ, что и опостылѣвшее про-
шлое. Орловъ смутно видитъ, что не для него эта дѣятель-
ность, такъ увлекающая его,— дѣятельность, полная заботы
и любви къ людямъ. Кончится спѣшная лихорадочная дѣя-
тельность въ баракѣ, и его опять ждетъ однообразная, без-
радостная жизнь «въ ямѣ», какъ онъ называетъ свою житей-
скую обстановку. Какъ соединить работу съ человѣческими

стремленіями, какъ стать выше, подняться надъ этой ямой, одухотворить, осмыслить свою жизнь, бѣдняга Орловъ не можетъ. Эти мысли его удручаютъ, отравляя настоящее, не давая ему душевнаго покоя, какимъ пользуются врачи, работающіе до упаду, и его собственная жена. Онъ не можетъ понять ихъ радости при выздоровленіи какого-нибудь Мишки-вора, потому что знаетъ, насколько некрасна жизнь этого Мишки и что лучше и для окружающихъ, если Мишка умретъ. Масса противорѣчій общественной жизни всплываетъ предъ Орловымъ, который не въ силахъ ихъ разъяснить себѣ и въ концѣ концовъ возвращается къ водкѣ, старой спасительницѣ отъ жгучихъ думъ. Послѣ дикаго скандала въ баракѣ, его выгоняютъ и Орловъ, осѣдаетъ въ рядахъ босяковъ, этомъ прибѣжищѣ неудачниковъ и безпокойныхъ душъ.

Другой типъ такой безпокойной души представленъ въ рассказѣ «Озорникъ». Николка Гвоздевъ, озорникъ, какъ его прозвали товарищи за безпокойный и неуживчивый нравъ, работаетъ въ типографіи газеты, въ которой производитъ большой переполохъ, вставивъ въ передовую статью редактора собственную фразу, весьма ѣдкую и критическую для газеты. Редакторъ пишетъ: «Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго обсужденія», а Николка сдѣлалъ отъ себя поясненіе: «т. е. говоренія глупой ерунды и чепухи». Свою неожиданную выходку Николка объясняетъ слѣдующимъ образомъ, когда изумленный редакторъ требуетъ у него отвѣта, почему онъ это

сдѣлать.

«— Вотъ, стало быть, въ чемъ дѣло. Вы пишете разныя статьи, человѣколюбіе всѣмъ совѣтуете и прочее такое... Не умѣю я сказать вамъ это все подробно — грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что рѣчи ведете каждый день... Ну, вотъ я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочаго толкуете, а я все читаю. И противно мнѣ читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова безстыжія. Потому что вы пишете — не грабь, а въ типографіи то у васъ что? Кирьяковъ на прошлой недѣлѣ работаль три съ половиной дня, выработаль три восемь гривенъ и захвораль. Жена приходитъ въ контору за деньгами, а управляющій ей говорить, что не ей дать, а съ нея нужно рубль двадцать получить — штрафу. Вотъ-те и не грабь!

Обвиненія Николки не отличаются глубиной, и редактору легко дать отвѣтъ на каждое. Но дѣло не въ томъ. Николка и самъ понимаетъ, что газета меньше всѣхъ виновата въ злочленіяхъ рабочихъ вообще и его товарищей по типографіи въ частности. Ему нуженъ былъ поводъ излить накопившуюся желчь противъ всѣхъ, кто, по его мнѣнію, понимаетъ лучше другихъ, а самъ дѣлаетъ не то, что думаетъ. Гвоздевъ по натурѣ протестантъ, онъ «чувствуетъ обиду въ своемъ положеніи», какъ онъ поясняетъ потомъ редактору, противъ котораго лично ничего не имѣетъ, даже сочувствуетъ ему. «Знаю я... газета! Уѣсть она вамъ половину жизни, все здоровье на нее просадите. Я вѣдь понимаю! Онъ, изда-

тель-то, что? У него въ газетѣ деньги, а у васъ – кровь!» Гвоздевъ ищетъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ и возстаетъ противъ «разныхъ точекъ зрѣнія», съ которыхъ люди на себя смотрятъ.

– Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человеку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца! Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливости жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки зрѣнія забраковать? А я забракowanъ въ жизни: нѣтъ мнѣ въ ней хода... Почему-съ? Потому что не учень? Такъ вѣдь ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе – должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь наверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнию въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или съ точки зрѣнія не должны?»

Отъ смущеннаго редактора онъ требуетъ чего-нибудь такого, «что сразу по недугу мнѣ пришлось», какъ Коноваловъ требовалъ отъ своего собесѣдника такого слова, которое сразу указало бы ему «порядокъ жизни», какъ Орловъ ищетъ такого подвига, чтобы сразу всѣхъ спасти. Они всѣ родственныя натуры, безпокойныя души, которыя не могутъ примириться съ установленнымъ порядкомъ вещей. Они чувствуютъ несправедливость и, не видя выхода, думаютъ, что есть какой-то талисманъ, который стоитъ только найти, чтобы все уладить, всѣхъ умиротворить и все привести въ ясность. Имъ и въ голову не приходитъ, что все это вѣковѣчные вопросы,

надъ разрѣшеніемъ которыхъ бьется человѣчество уже тыся-
челѣтія, не находя отвѣта, да и врядъ ли когда найдетъ его.
Для насъ интересны не эти вопросы, а сами вопрошающіе,
какъ замѣчаетъ редакторъ, для котораго рѣчи Гвоздева «яв-
ляются новостью въ томъ смыслѣ, что раньше ихъ говорили
люди иного сорта».

Новые люди сильно отличаются отъ прежнихъ хотя бы уже
тѣмъ, что несправедливость жизни они испытываютъ гораз-
до чувствительнѣе. Для нихъ эти вопросы представляютъ не
теоретическій интересъ, для нихъ это не идейные вопросы, а
сама жизнь во всемъ ея жестокомъ значеніи. Гвоздевъ, напр.,
былъ когда-то товарищемъ дѣтскихъ игръ своего редактора.
Вмѣстѣ съ кучей такихъ же дѣтей городской бѣдности, онъ,
сынъ мѣщанина, ходилъ въ одно и то же училище, игралъ,
дрался съ ними, а теперь онъ – простой рабочій, «озорни-
къ», тогда какъ его товарищи теперь командуютъ имъ. «По-
чему? – страстно вопрошаетъ онъ редактора. – И я, и вы лю-
ди изъ одной улицы и одного происхожденія... Вы не насто-
ящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату
взятки гладки. Тѣ окажутъ: «пшоль къ чорту!» – и пойдешь.
Потому они издревле аристократы, а вы потому аристокра-
ты, что грамматику знаете и прочее... Но вы – свой братъ,
и я могу требовать съ васъ указанія пути моей жизни. Я мѣ-
щанинъ, и Хрулевъ тоже, и вы – дьяконовъ сынъ... Какъ вы
думаете, легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей, ко-
торымъ я въ старину носы расквашивалъ? Легко мнѣ съ гос-

подина судебного слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ работу дѣлалъ, сорокъ копѣекъ на чай получать? Вѣдь онъ человѣкъ одного со мной ранга... И было ему имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и по сейчасъ, какъ тогда были»...

Ни Гвоздевъ, ни Коноваловъ, ни Орловъ не могутъ удовлетвориться теоретическимъ отвѣтомъ, «точка зрѣнія», вѣская и значительная для человѣка идеи, не имѣеть смысла въ глазахъ ихъ, людей жизни. Это и дѣлаетъ ихъ исканіе такимъ страстнымъ, безпокойнымъ, жуткимъ, а самое положеніе трагическимъ. Жизнь не даетъ отвѣта на эти запросы, а выносить эту жизнь они не могутъ. И они уходятъ въ босую команду, унося туда свое озлобленіе и жгучую боль неудовлетворенныхъ желаній и неразрѣшимыхъ думъ. Человѣкъ теоріи, идеи можетъ найти утѣшеніе, безкорыстно жертвуя собой, своимъ знаніемъ, трудомъ, жизнью, вырывая у смерти Мишку-вора и тысячи такихъ же товарищей Орлова. Но Орловъ не можетъ, потому что онъ и есть та масса, ради которой приносятся эти жертвы, и знаетъ, что въ концѣ концовъ даже и лучше, чтобы Мишка отправился къ праотцамъ. Редакторъ, идеалистъ и защитникъ обездоленныхъ, находитъ для себя стимуль къ жизни въ борьбѣ за фабричное законодательство, а Гвоздевъ по своему праву, когда всю эту защиту называетъ «говореньемъ ерунды и чепухи».

На ряду съ безпокойными душами, ищущими справедливости и гибнущими отъ противорѣчій мысли и дѣйствитель-

ности, босая команда даетъ прибѣжище и другимъ несчастливцамъ, потерпѣвшимъ крушеніе на разныхъ поприщахъ жизни. Это «бывшіе люди», занимавшіе то или иное привилегированное положеніе и постепенно опустившіеся. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ очерковъ «Бывшіе люди» авторъ выводитъ нѣсколько представителей этого типа. Во главѣ ихъ идетъ ротмистръ Кувалда, содержатель ночлежки въ полуразрушенномъ домѣ купца Петунникова, философъ циникъ и большой оптимистъ въ то же время. Его ночлежка является центромъ, гдѣ ютится всякая голь перекатная, когда рѣшительно ужъ некуда идти. Среди своихъ кліентовъ Кувалда играетъ роль признаннаго вождя, главы и руководителя, въ которомъ золоторотцы цѣнятъ прежде всего умственность и философское отношеніе къ земнымъ радостямъ и горестямъ. Подъ грубой оболочкой ротмистра скрывается бездна добродушія и чисто человѣческаго отношенія ко всѣмъ потерпѣвшимъ крушеніе, которыхъ онъ умѣетъ не только пріютить, но и поддержать въ минуту жизни трудную. Самъ горькій пьяница и почти нищій, онъ съ любовью заботится объ единственномъ изъ своихъ жильцовъ, бывшемъ учителѣ, въ которомъ сохранилась еще искра божія. Кувалда чувствуетъ себя сносно въ своемъ положеніи и если подчасъ раздражается противъ общества, изъ котораго онъ вынужденъ былъ уйти навсегда, то больше съ общей точки зрѣнія. Глубоко ненавидитъ онъ только купца Петунникова, олицетворяющаго въ его глазахъ насилье и грубую эксплуатацію капитала.

Самымъ виднымъ членомъ ночлежки послѣ Кувалды является учитель, тоже спившійся и глубоко несчастный человѣкъ, яснѣе другихъ понимающій ту бездну, въ которой ему приходится кончать свое существованіе. Перебиваясь репортерствомъ и мелкимъ хожденіемъ по дѣламъ, онъ могъ бы выйти изъ этой ямы, если бы не общая надломленность, отсутствіе воли и той силы, которая необходима для жизни и заключается въ вѣрѣ въ себя, въ плодотворность борьбы, хотя бы и незначительной. Учитель – глубокой пессимистъ, потерявшій вѣру въ общество, въ людей, въ возможность переменъ. Онъ любитъ только дѣтей, которыхъ жизнь еще не изломана, и водку, цѣлительницу отъ всѣхъ недуговъ.

Около этихъ двухъ центральныхъ фигуръ группируются остальные члены союза «бывшихъ людей», совершенно погибшіе люди, опустившіеся до той ступени, когда человѣкъ уже перестаетъ различать добро и зло и становится равнодушень ко всему окружающему. Ничто не связывало этихъ людей, не объединяло, не давало смысла ихъ существованію, что и выражалъ философъ Кувалда въ афоризмѣ: «мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія». Такая жизнь безъ смысла и цѣли не можетъ не ожесточать людей, и въ ихъ разсужденіяхъ слышится подчасъ глухая угроза тѣмъ счастливымъ, которые сумѣли занять болѣе удобныя мѣста на жизненномъ пиру. Сквозь мракъ и холодъ, которымъ вѣетъ отъ общества этихъ «бывшихъ людей», проблескиваютъ искры огня, таящагося подъ пепломъ въ ихъ сожженныхъ серд-

цахъ. Они страшны, имъ терять нечего, и въ глазахъ остальныхъ жильцовъ ночлежки являются естественными вождями, какъ болѣе опытные и понимающіе.

Относясь съ симпатіей и жалостью къ этимъ отверженцамъ, авторъ не скрываетъ ихъ дурныхъ сторонъ, замѣчая, что по испорченности и глубинѣ паденія они далеко превосходили тотъ деревенскій людъ, который, не найдя успѣха въ городѣ, опускался до «босой команды». Въ то же время онъ вполне правдиво отличаетъ и особое значеніе «бывшихъ людей» въ средѣ мелкаго обездоленнаго люда глухихъ закоулковъ. «Они вносили,— говоритъ онъ, — въ среду забитыхъ бѣдностью и горемъ обывателей улицы свой духъ, въ которомъ было что-то, облегчавшее жизнь людей истомленныхъ и растерявшихся въ погонѣ за кускомъ хлѣба, такихъ же пьяницъ, какъ обитатели убѣжища Кувалды, и также сброшенныхъ съ города, какъ и они. Умѣнье обо всемъ говорить и все осмѣивать, безбоязненность мнѣній, рѣзкость рѣчи, отсутствіе страха передъ тѣмъ, чего вся улица боялась, безшабашная, бравирующая удалъ этихъ людей, не могли не нравиться улицѣ. Затѣмъ, почти всѣ они знали законы, могли дать любой совѣтъ, написать прошеніе, помочь немножко безнаказанно смошенничать. За все это имъ платили водкой и лестнымъ удивленіемъ предъ ихъ талантами».

Слѣдить за измѣненіями судебъ команды «бывшихъ людей» мы не станемъ,— слишкомъ эта судьба обыкновенна. Постепенно растущій городъ выбрасываетъ ихъ еще дальше,

когда столь ненавистный Кувалдъ купецъ Петунниковъ воздвигаетъ новую фабрику и изгоняетъ Кувалду и его присныхъ съ насиженнаго мѣста. Команда разбредается въ поискахъ болѣе удаленныхъ угловъ, гдѣ бы можно было сложить усталыя кости.

Сопоставляя эти два типа – «бывшихъ людей» и безпокойныхъ душъ, какъ Коноваловъ, Орловъ и Гвоздевъ, – ясно видно, на чьей сторонѣ симпатіи автора. «Бывшіе люди» – это отбросъ, къ которому онъ такъ и относится, хотя и жалѣетъ ихъ. Безпокойныя души – это родственныя ему натуры, которыя онъ вырисовываетъ съ нескрываемымъ интересомъ, муки которыхъ ему близки и понятны. Лучшіе очерки посвящены имъ, и несомнѣнный крупный талантъ г. Горькаго развертывается въ нихъ съ особымъ блескомъ и оригинальностью. «Коноваловъ» и «Супруги Орловы» написаны превосходно и за послѣдній годъ представляютъ лучшія художественныя произведенія въ текущей литературѣ. Языкъ г. Горькаго необыкновенно гармонируетъ съ описываемыми имъ типами, по своей простотѣ и безыскусственности, а превосходное знаніе среды дѣлаетъ эти очерки своего рода шедеврами. Жизнь героевъ, ихъ характеры, самыя сложныя душевныя движенія развертываются предъ читателями естественно, живо безъ всякихъ преувеличеній и прикрасъ, безъ неудачныхъ попытокъ на нарочитую глубину, что въ общемъ производитъ впечатлѣніе полнѣйшей искренности и правдивости. Авторъ много видѣлъ, много думалъ, много и

самъ перенесъ тяжелаго и безотраднаго, но, какъ истинный художникъ, нигдѣ не выдвигаетъ себя, и только въ образахъ, очерченныхъ смѣло и ярко, можно прочесть безпокоющія его мысли, волненія и желанія. Глухіе и мрачныя закоулки большихъ городовъ, куда онъ вводитъ читателя, оживаютъ, встаютъ въ этихъ очеркахъ, какъ живой укоръ обществу, мало обращающему на нихъ вниманія, а жизнь, кипящая тамъ, своеобразная и мало изслѣдуемая до сихъ поръ, раскрывается съ такихъ сторонъ, которыя открываютъ новыя перспективы. Вопросы, теоретически волнующіе многихъ читателей, здѣсь волнуютъ какъ жестокая дѣйствительность, требующая практическихъ отвѣтовъ.

Кромѣ этихъ очерковъ, лучшихъ и наиболѣе содержательныхъ, очень характерны для пониманія таланта г. Горькаго рассказы «Тоска» и двѣ поэтическія картинки «Максимъ Чудра» и «Старуха Изергиль». Несмотря на совершенно разную обстановку дѣйствія, совершенно различные типы, во всѣхъ трехъ очеркахъ звучитъ одна основная нота. Въ первомъ старый мельникъ, повидимому, вполне благополучный, не находитъ себѣ мѣста отъ охватившей его тоски и глубоко завидуетъ своему работнику, который въ жизни выше всего ставитъ «приволье», т. е. независимость и полную свободу воли. «Нѣтъ! – говоритъ работникъ, – я уйду. Въ степь надо, – приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ жалко будетъ – привыкъ. А уйду, потому тянетъ. Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспорить – пиши про-

паль человекъ». Мельника поражаетъ эта способность Кузьмы — «не спорить противъ себя», онъ хотѣлъ бы отдаться тоже какому-либо сильному чувству, которое всецѣло охватило бы его и не можетъ: его душа, размѣнявшаяся на мелочи въ погонѣ за благополучіемъ, не способна къ сильнымъ порывамъ, не можетъ жить по своей волѣ, не подчиняясь разъ навсегда установленнымъ правиламъ. Онъ не въ силахъ «дать себѣ просторъ», и его тоска разрѣшается дикимъ разгуломъ, отъ котораго на душѣ мельника становится еще тяжелѣе.

«Приволье», свобода, возможность подчиняться только своей волѣ, идти за нею, отдаваясь своимъ порывамъ — вотъ цѣль жизни, сущность ея. Эта мысль еще яснѣе проведена въ поэтическомъ очеркѣ «Максимъ Чудра». Ночью среди необъятной степи, лежа у костра и любуясь бездоннымъ темно-синимъ небомъ, старый цыганъ Чудра излагаетъ свою житейскую философію автору.

«— Такъ ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю себѣ выбралъ, соколъ. Такъ и надо,— ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай... Жизнь, иные люди? — продолжалъ онъ, скептически выслушавъ мои возраженія на его «такъ и надо». — Эге! А тебѣ что до того? Развѣ ты самъ не жизнь? А другіе люди живутъ безъ тебя и проживутъ безъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты кому-то нуженъ? Ты не хлѣбъ и не палка, ну и не нужно тебя тамъ... Смѣшные они, тѣ твои люди. Сбились въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ

сколько,— онъ широко повель рукой на степь. — И все работаютъ. Зачѣмъ, кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ чело-вѣкъ пашеть, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источить на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніеть. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не увидитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ... А я, вотъ смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагѣ, такъ въ тысячу такихъ торбѣ, какъ у тебя, не уложишь. А ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я былъ? И не скажешь! Ты и не знаешь такихъ краевъ, въ какихъ я бывалъ. Такъ нужно жить,— иди, иди и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ,— чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгають, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобъ не разлюбить ее. А задумаешься, разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ»...

И старуха Изергиль проводитъ ту же философію свободной жизни, не связанной обычаями и условностями, отданной всецѣло жизни ради самой жизни. Эта философія, увлекательная и жизнерадостная, составляетъ фонъ большинства очерковъ г. Горькаго. Всѣ его герои такъ иди иначе увлечены ею, живутъ то стремленіемъ къ свободѣ, то исканіемъ такой жизни, гдѣ свобода составляетъ все содержаніе. Лучшіе типы въ его рассказахъ тѣ же цыгане, которые бредутъ туда, куда ихъ влечетъ свободное сердце, тоскующее за привольемъ. Такова Мальва въ рассказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, и босякъ Сережка, который ей высказываетъ такое же пониманіе

жизни, какъ и цыганъ Максимъ Чудра. Таковъ и Емельянь Пиляй, голодный, оборванный, восхищающійся широкимъ просторомъ степи. И самый типъ босяка, съ различныхъ сторонъ вырисовывающійся въ разсказахъ г. Горькаго, тоже искатель приволья, вѣчнаго движенія, жизни, свободной отъ разныхъ условностей и тягости, стѣсняющихъ проявленіе воли, что придаетъ этому типу жизнерадостный и бодрый характеръ, несмотря на удручающія условія его жизни.

Отъ большинства очерковъ г. Горькаго вѣтъ этимъ свободнымъ дыханіемъ степи и моря, чувствуется бодрое настроеніе, что-то независимое и гордое, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ очерковъ другихъ авторовъ, касавшихся того же міра нищеты и отверженности. Это настроеніе передается и читателю, что придаетъ очеркамъ г. Горькаго особую прелесть свѣжести, новизны и жизненной правды.

Июль 1898 г.

*Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.
Книгоиздательство «Міръ Божій», Спб., 1908*